

УДК 821.161.1.09 «1992/...»

ББК 83.3 (2=Рус) 6

К 20

Капец О.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: Капец.О.В@gmail.com

Капец В.П.

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, e-mail: Капец.В.П@gmail.com

Проблема метаморфоз в поэзии И.А. Бродского

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается тема превращений в поэзии И.А.Бродского. Объектом исследования выступают поэтические произведения, в которых определяются три уровня: сравнения, отождествления-перевоплощения и метаморфоз. Целью становится анализ центрального вопроса поэзии – метаморфоз в контексте мифологических, фольклорных и литературных традиций. Применяются методы мотивного анализа, диалектический и герменевтический. Научно-практическая значимость и актуальность обусловлены новаторским характером проблематики, ее неразработанностью и отсутствием исследований его поэтического наследия в связи с фольклором, мифами, античной культурой и мировой литературой. Главный вывод состоит в том, что древнейшая проблема метаморфоз, уходящая своими корнями в мифы, сказки, былины и литературные произведения, может быть названа одной из основополагающих в поэзии автора и проанализирована, согласно нашей гипотезе, как один из трех уровней.

Ключевые слова:

Сравнение, отождествление, перевоплощение, метаморфозы, лирический герой, мифологические и литературные образы, античный образец.

Kapets O.V.

Candidate of Philology, Associate Professor of Literature and Journalism Department, Adyghe State University, e-mail: Капец .O.V@gmail.com

Kapets V.P.

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University, e-mail: Капец .V.P@gmail.com

Problem of metamorphoses in I.A. Brodsky's poetry

Abstract:

The subject of transformations in I.A. Brodsky's poetry is brought to the forefront of this research. The object of research is poetic works, comprising three levels: comparisons, identification transformations and metamorphoses. The goal of research is to analyze the central question of poetry: metamorphoses in the context of mythological, folklore and literary traditions. The motive analysis, dialectic and hermeneutic methods are used. The scientific and practical importance and relevance of this study are caused by innovative character of a perspective, its poor-studied character and lack of researches on its poetic

heritage related to folklore, myths, ancient art and the world literature. The main conclusion is that the most ancient problem of metamorphoses tracing the roots back to myths, fairy tales, bylinas and literary works can be called one of the fundamental in poetry of the author and can be analyzed, according to our hypothesis, as one of three levels.

Keywords:

Comparison, identification, transformation, metamorphoses, lyrical hero, mythological and literary images, antique sample.

Люди издавна обожествляли явления природы, приписывали их действию высших сил. Об этом свидетельствуют мифы и легенды разных народов. Так, например, древние греки утверждали, что блещут молнии и грохочет гром, когда Зевс мечет свои стрелы на Землю [1: 57]. У славян существовал свой бог-громовник – Перун [2: 82-84]. Божественное обличье в мифологиях разных народов мира приобретало солнце: Гелиос оно называлось у древних греков [6: 512], Дажьбог – у славян [1: 27], Ра – у древних египтян. Подземный огонь у греков отождествлялся с образом Гефеста [1: 27-28], а у адыгов – Тлепша (исследование образа проводит А.С. Куёк) [3: 171 – 176]. Таким образом, явления неживой природы наделялись живыми чертами. Происходило отождествление, превращение живого и неживого друг в друга в сознании людей.

Присутствовали в мифах метаморфозы и в сфере живой природы, то есть из живого состояния переходило в неживое. Подтверждением этому может служить древнегреческая легенда о прекрасном юноше Нарциссе, исчахшем от любви к себе и превратившемся в цветок смерти [1:10]. Переход живых существ из одного состояния в другое отображён и в русском эпосе: в былинах о Волхе рассказывается о превращении богатыря, который добывал дичь для своей дружины [4: 169]. В русских народных сказках представлено, как сокол обращается добрым молодцем («Финист – Ясный сокол») [4: 97], волк – царевной («Иван- царевич и серый волк») [5: 29 – 45] и т.д. Поэтическое переложение нашли превращения и в «Сказке о царе Салтане...» А.С. Пушкина: князь Гвидон стано-

вится комаром, лебедь – прекрасной царевной, у которой *месяц под косою блестит, а во лбу звезда горит* [6: 432].

К проблеме превращений обращается в своем стихотворении «Метаморфозы» и русский поэт Н.А. Заболоцкий, утверждающий, что после смерти человек может превратиться в цветок или птицу. Метаморфозы, как отмечает А.Генис, стали предметом изображения художника-сюрреалиста Рене Магритта, проводящего грань между живой и неживой природой. На его картинах яичница подмигивает живым глазом, штора превращается в облако, а затем в птицу (образ птицы-тучи часто встречается в мифах и сказках разных народов мира), обнажённая женщина имеет две половины: одну – из фанеры, другую – живую [7: 551]. По замечанию А. Гениса, тема метаморфоз нашла отражение в произведениях Ф. Кафки: в новелле «Отчёт для академии», где самец шимпанзе превращается в человека и выходит из клетки, и новелле «Превращение», где персонаж Грегор, отягощенный своим рутинным существованием, становится насекомым [4: 554]. А. Генис также отмечает, что к проблеме превращений обращается и современный отечественный писатель В.О. Пелевин. Ряд метаморфоз представлен в его романе «Жизнь насекомых»: это как духовные, так и физические превращения (мотылек, испытывая просветление, становится светлячком, насекомые превращаются в людей и обратно) [7: 551 – 553].

Значительное место проблема метаморфоз занимает в творчестве И.А. Бродского. Исследователь М.О. Крепс в книге определяет основные темы поэзии Бродского – это «время, пространство, Бог,

жизнь, смерть, искусство, поэзия, изгнание, одиночество» [8: 180]. На наш взгляд, этот тематический перечень следует дополнить и темой метаморфоз, которая представляет собой часть богатого поэтического мира автора, его образного мышления.

Проблема метаморфоз осмысливается в поэзии И. Бродского на трех ключевых уровнях:

1) сравнение лирического героя с мифологическими персонажами;

2) отождествление и перевоплощение лирического «я» поэта в литературный образец (античный, ветхозаветный, христианский), вследствие чего происходит слияние «я» лирического героя с мифологическим или литературным персонажем;

3) собственно превращение – метаморфозы как живой, так и неживой природы.

Первый уровень понимания проблемы метаморфоз предполагает сравнение лирического героя И.А.Бродского с такими античными персонажами, как Улисс и Тезей, например стихотворения поэта «Я, как Улисс» (1962), «По дороге на Скирос» (1967).

В стихотворении «По дороге на Скирос» ситуация, в которой оказывается лирический герой, сопоставляется с античным мифом, в котором герой Тезей, убивший Минотавра и выбравшийся из лабиринта с помощью Ариадны, вынужден был по велению богов оставить свою возлюбленную, предназначенную в жены Дионису [1: 228]:

*Я покидаю город, как Тезей –
Свой Лабиринт, оставив Минотавра
Смердеть, а Ариадну - ворковать
В объятьях Вакха [9: 86].*

Сам же лирический герой Бродского сопоставляется с древнегреческим персонажем при помощи развернутого сравнения, образующегося посредством союза «как».

Иначе происходит осмысление темы метаморфоз на втором уровне. Отождествление и перевоплощение лирического героя в античный образец можно найти в

цикле «Из школьной антологии». В стихотворении «А. Фролов» (1966) описана встреча лирического героя в городе Сочи с одноклассником Альбертом Фроловым. В диалоге двух одноклассников содержится упоминание одного из персонажей древнегреческой мифологии:

*«Как ты здесь оказался в несезон?»
Сухая кожа, сморщенная в виде коры.
Зрачки – как белки из дупла.*

*«А сам ты как?» «Я, видишь ли, Язон.
Язон, застрявший на зиму в Колхиде.
Моя экзема требует тепла...» [9:
122].*

Лирический герой стихотворения – современник самого поэта, его второе «я», но на определенном этапе он словно становится Язоном, героем древнегреческого мифа, отправившимся в Колхиду за золотым руном [6: 260 – 268]. Далее следует поправка, согласно которой герой Бродского отождествляется уже не с Язоном, а с персонажем библейской легенды Иовом:

*Язон? Наверд ли. Иов, небеса
ни в чём не упрекающий, а просто
сливающийся с ночью на живот
и смерть... [9: 122].*

Подобные отождествления-перевоплощения в поэзии И.А. Бродского осуществляются не только в отношении литературных и мифологических персонажей. К примеру, в стихотворении «Ты – ветер, дружок. Я – твой ...» (1962 – 63) герои отождествляются с природой – ветром и лесом. Поэт создает образную цепочку перевоплощений «лирический герой – лес – поэт»:

*Ты – ветер, дружок. Я – твой
Лес. Я трясусь листвою,
Изъеденною вельма
Гусеницею письма [10: 12].*

Лирическое «я», переходящее в иной образ, – персонажа из античной или библейской мифологии; природы (леса, ветра и др.) движет поэтическую мысль Бродского, запечатлевает пространственно-временные представления и проявляемые чувства с фактами бы-

тия и природы, с мирозданием.

В стихотворениях И. Бродского «Дидона и Эней» (1969), «Одиссей Телемаку» (1972), «Итака» (1993) отсутствует перевоплощение, скорее подразумевается, что оно уже произошло. Таким способом поэт создает собственную интерпретацию античного героя.

В основу стихотворения «Дидона и Эней» положен античный сюжет о героине троянцев Энее, ищущем новую землю для своего народа, и царице Карфагена Дидоне, влюбившейся в него [1: 33 – 43]. Древнегреческий герой Эней близок Бродскому: поэт понимает, что ему для достижения великой цели – свободы творчества, возможно, тоже придется сменить империю и бросить любимую. Однако в стихотворении эти пояснения отсутствуют и представляют собой так называемый затекст.

Образы самих античных героев показаны на определенной дистанции, как будто со стороны, и содержат авторскую оценку. Бродский характеризует своих персонажей, подчеркивая различие в восприятии ими чувства любви:

*Великий человек смотрел в окно,
А для неё весь мир кончался краем
Его широкой греческой туники,
Обильем складок походившей на
Остановившееся море [9: 94].*

В другом стихотворении Бродского «Одиссей Телемаку» образ Одиссея словно сливается с образом самого автора, оказавшегося вдали от родных мест и близких ему людей. Лирическое высказывание ведется от первого лица. Однако выражаемые переживания могут принадлежать как самому поэту, так и иным, непохожим на него лицам.

*Мне неизвестно, где я нахожусь,
Что предо мной. Какой-то грязный
остров... [10: 93].*

В стихотворении «Итака» Бродский обращается к Одиссею уже во втором лице. Так он не только отмечает свое сходство с героем, но и указывает на существенные отличия:

*Хочешь скинь с себя пропотевший
хлам;*

*Но прислуга мертва опознать твой
шрам [10: 446].*

Образ Одиссея меняется в стихотворении И.А. Бродского «Барбизон террас» (1974). Герой превращается в некоего «человека в коричневом», в человека «Никто»:

*Шелест кизилового куста
Оглушает сидящего на веранде
Человека в коричневом [10: 163].*

Таким образом, образ Одиссея представлен в поэзии И.А. Бродского в следующих вариациях:

- сравнение лирического героя с Одиссеем («Я, как Улисс»);
- перевоплощение лирического героя в Одиссея («Одиссей Телемаку», «Итака»);
- превращение Одиссея в человека «Никто», «Человека в коричневом» («Барбизон террас») [10: 163].

Лирический герой Бродского «подвижен» и подвержен трансформациям, которые не ограничиваются сравнением, отождествлением с мифологическими и литературными персонажами: Нарциссом, Тезеем, Язоном, Одиссеем и др. Диапазон вариаций лирического героя становится шире и начинает выходить за общечеловеческие границы, приобретая особый философский смысл.

В «Стихах о зимней кампании 1980-го года» И. Бродский говорит о превращении людей в низших существ – моллюсков. В стихотворении «Тритон» (1994) лирический герой отождествляется с тритоном. Не случайно, лирическое высказывание исходит от первого лица, что указывает на прямое перевоплощение лирического персонажа:

*Стоя на берегу
Моря, морща чело,
Присматриваясь к воде,
Я радуюсь, что могу
Разглядывать то, чего
В галактике нет нигде [10: 452 – 453].*

«Двадцать сонетов к Марии Стюарт», стихотворение «Примечанье к прогнозам погоды» (1968), которое можно считать предтечей поэмы И.А. Бродского «Вертумн» (1990) представляют собой третью ступень воплощения темы метаморфоз – это процессы перехода, превращения неживого в живое и обратно. Целостная цепочка скрытых превращений содержится в «Двадцати сонетах к Марии Стюарт»: от умершей Стюарт к ее подобию, увиденному лирическим героем на киноэкране и в парке. Героиня выступает в качестве прекрасной статуи, с которой лирический герой Бродского вступает в разговор. Он делится своими победами и неудачами с давно ушедшей из жизни Марией Стюарт, чью бледную копию пытается найти в своей возлюбленной. Параллельно с этим лирический персонаж рассуждает о судьбе Марии Стюарт, мысленно признаваясь ей в любви:

*Я вас любил. Любовь еще (возможно,
что просто боль) сверлит мои мозги* [9: 361].

Здесь Бродский обращается к стихотворению А.С. Пушкина «Я вас любил: любовь еще, быть может...», заимствуя из него известную строчку. В «Двадцати сонетах к Марии Стюарт» текст живет в тексте, что достигается такими приемами, как интертекстуальность и цитатность. Понимая весь трагизм судьбы Марии Стюарт, поэт наделяет своего лирического героя не только способностью испытывать любовное чувство к ней, но и умением мечтать о встрече, которая, по его мнению, могла бы изменить ее судьбу. Спустя много лет после своей гибели героиня оживает под пером Бродского, а в финале «Двадцати сонетов...» опять теряет живые черты и превращается в «прелестного истукана» – статую, у которой лирический герой просит прощения [9: 366].

В стихотворении И. Бродского «Примечанье к прогнозам погоды» изображена аллея со статуями из затвердевшей грязи, которые кажутся лирическому герою бо-

гами. Дана так называемая *маленькая Валгалла* – засыпанное снегом царство мертвых с их ушедшими думами и судьбами [10: 317]. Из этого царства как будто появляются и персонажи поэмы И.А. Бродского «Вертумн» (1990), названной в честь римского божества смены времен года. Заснеженная статуя Вертумна слушает жалобы героя и по мере понимания их оживает:

*...ты принялся отзываться,
иуриться, морищить лоб, нижняя
часть лица
как бы оттаяла, и губы зашевелились.
«Вертумн», наконец, ты выдавил.
«Меня зовут Вертумном»* [10: 374].

Во время общения с лирическим героем Бродского с Вертумном происходит ряд метаморфоз: от неживой статуи – к живому, почти человеческому обличью в зелёном костюме и *туфлях от Баленсиаги* [10: 375], и затем – к божественной сущности. Благодаря этому, Вертумн оказывается не только в компании *тусклых звёзд* посреди Вселенной, но и превращается в тепло пола в квартире [10: 378]. Изменения происходят и с лирическим героем: его начинают все понимать из-за частичного превращения в Вертумна, чья *специальность – метаморфозы* [10: 376].

Тема превращения живого в неживое нашла отражение в поэтических сочинениях И. Бродского «1972 год», «Декабрь во Флоренции» (1976). В стихотворении «1972 год» говорится о *превращении тела в голую вещь* [9:337], а в стихотворении «Декабрь во Флоренции» – о нелёгком писательском труде:

*Человек превращается в шорох пера
по бумаге, в кольца,
петли, клинышки букв и, что скользко,
в запятые и точки* [9: 402].

Завершает ряд метаморфоз (живое – неживое), представленных в произведениях И.А. Бродского «1972 год», «Декабрь во Флоренции» (1976), «Вертумн» (1990), стихотворение «Меня упрекали во всём, кроме погоды...» (1994). В нем говорится о недолговечности жизненного

пути, в конце которого человек теряет все свои заслуги и становится *просто одной звездой* [10: 519].

Таким образом, на протяжении всего творческого пути И.А. Бродский обращался к теме метаморфоз. В ходе анализа его поэтических произведений мы можем

сделать вывод о том, что проблема метаморфоз в поэзии Бродского создает объективные предпосылки для споров о смысле того или иного поэтического произведения, для ее различных интерпретаций, как близких к авторской концепции, так и полемичных по отношению к ней.

Примечания:

1. Легенды и мифы Древнего Рима и Древней Греции. Кишинёв: ЛИТА, 1994. 575 с.
2. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. М.: Эксмо, 2005. 608 с.
3. Куёк А.С. Нарт Тлепш в мифологических воззрениях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 4 (128). С. 171-177.
4. Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004. 336 с.
5. Сказки Елены Прекрасной. Ростов н/Д: Книга, 2013. 126 с.
6. Пушкин А.С. Сочинения / Академия поэзии. Международная ассоциация художественных искусств. Фонд подвижничества и просветительства «И возродится Великая Русь». М.: Моск. писатель, 1998. 800 с.
7. Генис А. Поле Чудес. Виктор Пелевин. Русская литература XX века в зеркале критики: хрестоматия для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений / сост. С.И. Тимина, М.А. Черняк, Н.Н. Кякшто; предисл. М.А.Черняк. СПб.; М.: Филол. фак. СПбГУ: Академия, 2003. С. 550-558.
8. Крепс М.О. О поэзии Иосифа Бродского. Michigan: Ann Arbor, 1984.
9. Бродский И. Холмы: Стихотворения. СПб.: Азбука-классика, 2007. 416 с.
10. Бродский И. Осенний крик ястреба: стихотворения. СПб.: Азбука-классика, 2008. 544 с.

References:

1. Legends and myths of Ancient Rome and Ancient Greece. Kishinev: LITA, 1994. 575 pp.
2. Afanasyev A.N. Mythology of Ancient Rus. M.: Eksmo, 2005. 608 pp.
3. Kuyek A.S. Nart Tlepsh in Adyghes' mythological views // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2013. Issue 4 (128). P. 171-177.
4. Kostyukhin E.A. Lectures on Russian folklore: a manual for higher schools. M.: Drofa, 2004. 336 pp.
5. Tales of Helen the Beautiful. Rostov-on-Don: Kniga, 2013. 126 pp.
6. Pushkin A.S. Works / Academy of poetry. The International Association of Fine Arts. The «Great Russia will revive» fund of selfless devotion and education. M.: Moscow writer, 1998. 800 pp.
7. Genis A. The Field of Miracles. Victor Pelevin. Russian literature of the XX century in the mirror of criticism: a reader for students of faculties of Philology of higher schools / comp. by S.I. Timina, M.A. Chernyak, N.N. Kyakshto; foreword by M.A. Chernyak. SPb.; M.: SPbSU faculty of Philology: Academia, 2003. P. 550-558.
8. Kreps M.O. On the poetry of Joseph Brodsky. Michigan: Ann Arbor, 1984.
9. Brodsky J. Hills: Poems. SPb.: Azbuka-klassika, 2007. 416 pp.
10. Brodsky J. The hawk's cry in autumn: poems. SPb.: Azbuka-classic, 2008. 544 pp.